

Научная статья

УДК 008

DOI: 10.20323/2658-7866-2025-2-24-155

EDN EREBJU

Становление феномен религиозного подвижничества в русской культуре

Надежда Зеноновна Гаевская

Соискатель кафедры культурологии, Северный (арктический) федеральный
университет имени М. В. Ломоносова, г. Архангельск

Lovich2000@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8422-4121>

Аннотация. Цель данного исследования – выявление проблем становления феномена религиозного подвижничества в русской культуре. В статье рассмотрены этапы формирования феномена в историко-философском контексте. Научная новизна исследования в обращении к феноменологическому методу в сочетании с семиотическим. В исследовании выявлено пространство возможных смыслов в контексте традиции русской религиозной культуры, истории понятия религиозного подвига, его генезиса. Контекстуальная база исследования расширена за счет обращения к идеям философии поступка, нравственного становления в рефлексии переживания. Порождение в рефлексии феноменальных смыслов подвига есть результат опыта границы, предельного опыта. Значением подвига становятся с древнейших времен предельные практики «себя», выражающиеся в религиозной культуре в идее охранения духа в умалении и борьбе со страстями, что является целью духовной работы по становлению личности. Рассматривая подвижничество в феноменологическом дискурсе, можно констатировать, что сущность человека в подвиге – это проявление специфических свойств души в совокупности интенций. В подвижническом опыте осуществляется раскрытие и исполнение самой природы человека. Делается вывод о том, что в основе феномена религиозного подвижничества одна из форм религиозного опыта – опыт преодоления страстных состояний, позволяющий осмыслить духовные способности человека в христианской культурной парадигме. В современной культуре феномен религиозного подвижничества, соотносясь с культурно-ментальной матрицей и культурным кодом русской культуры, направлен на выявление аксиологического искажения в повседневном поведении и бытовых практиках. Этот процесс находит свое выражение в социальном и языковом пространстве как религиозном, так и бытовым: в практиках, поведении, в тексте и образно-мотивной сфере.

Ключевые слова: феномен; подвиг; интенция; религиозный опыт; рефлексия; подвижничество; культурный код

Для цитирования: Гаевская Н. З. Становление феномена религиозного подвижничества в русской культуре // Мир русскоговорящих стран. 2025. № 2 (24). С. 155–167. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-2-24-155>. <https://elibrary.ru/EREBJU>.

Original article

The emergence of the phenomenon of religious asceticism in russian culture

Nadezhda Z. Gayevskaya

Applicant of the Department of cultural studies, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk

Lovich2000@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8422-4121>

Abstract. The purpose of this study is to identify the problems associated with the formation of religious asceticism as a phenomenon in Russian culture. This article examines the stages in the development of this phenomenon in the historical and philosophical context, using a combination of phenomenological and semiotic methods. The novelty of this research lies in its use of these methods, which allows for a deeper understanding of the meanings that can be found within the context of Russian religious traditions and the history of concepts related to religious feat and its origins. The contextual base of the research is expanded by referring to the philosophy of the deed, and moral formation in the reflection of experience, thereby generating a deeper understanding and appreciation of the significance of feats in religious practice. Since ancient times, the essence of the feat has been the ultimate practice of “self”, expressed in religious culture through the idea of protecting the spirit from passions and combating them, which is the goal of spiritual work on personal development. In considering asceticism within phenomenological discourse, we can state that the essence of a person’s feat is manifested through specific qualities of their soul in a set of intents. Through ascetic experience, man’s very nature is revealed and realized. It can be concluded that religious asceticism, as a phenomenon, is based on the experience of overcoming passions, allowing us to comprehend human spiritual abilities within the Christian cultural paradigm. In modern culture, the phenomenon of religious asceticism correlates with the cultural and mental matrix and the Russian cultural code. It aims to identify axiological distortions in everyday behavior and everyday practices. This process is expressed in the social and linguistic spaces, both religious and secular: in behavior, practices, texts, and figurative-motivational spheres.

Key words: phenomenon; feat; intention; religious experience; reflection; asceticism; cultural code

For citation: Gayevskaya N. Z. The emergence of the phenomenon the religious asceticism phenomenon in the russian culture. *World of Russian-speaking countries*. 2025; 2(24): 155–167. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-2-24-155>. <https://elibrary.ru/EREBJU>.

Введение

Духовные смыслы подвига и подвижничества, определяющие для русской культуры. Издавна святыми на Руси становились подвижники. «Изучение русской святости в ее истории и религиозной феноменологии является сейчас одной из насущных задач нашего христианского и национального возрождения», – пишет Г. Федотов [Федотов, 2004, с. 7].

Истоки подвижничества исследователи определяют в аскетизме. Формирование культурной формы подвижничества и традиции началось в ранний христианский период (I–IV вв.). В процессе становления феномена в русской православной культуре в период X–XVI вв. сформировались особые ментально осознанные личностные сущностные смыслы. Как пишет о. Георгий (Флоровский), «определилась его суть как соединение веры и подвижничества, борьбы и преодоления, духовного напряжения» [Флоровский, 1972, с. 187]. *Подвижничество понимается как предел духовного восхождения, высшее состояние души, ее «стояние» – высший покой и молчание, выше всякого раздумья и всякого созерцания, единое и торжественное видение* [Добротолюбие, 1972].

Теоретическая база исследования

Понятие подвижничества стало предметом исследования в работах о. Иоанна (Кологривова), о. Георгия (Флоровского), Г. Федотова,

В. Топорова. Традиция историко-философских исследований, восходящая к работам русских ученых конца XIX в. (С. Зарина, Г. Экземплярского, Г. Острогорского, П. Безобразова), определяет подвижничество как труд и обретение духовных высот в подвиге, которые придают религиозный смысл национальной идее, способствуют становлению ментальности русской культуры. В основе данного понимания святоотеческое толкование. Труды Исихия Синайского, Максима Исповедника, Симеона Нового Богослова говорят о подвижничестве как о сердечном безмолвии и хранении ума. О святоотеческой преемственности как характеристике русской культуры пишут С. Аверинцев, В. Бычков, И. Мейендорф, подчеркивая ее религиозные истоки. В отечественной культурологии христианское подвижничество изучается К. Г. Исуповым в связи с описанием картины мира и концептосферы. Подвиг осмысливается как символическая форма, соотносящаяся с конечными условиями существования. Семиотический подход Ю. Лотмана и Б. Успенского позволяет, рассматривая знаковую структуру феномена, исследовать культурный код национальной культуры. Подвижничество является предметом актуальных исследований как в исследовательской традиции, так и в современном научном дискурсе.

Метод

В данном исследовании религиозное подвижничество рассматривается с точки зрения семиотического и феноменологического подходов. Говоря о научном подходе к исследованию, можно обратиться к словам Г. Федотова: «Для одних это канон, святоотеческая норма, для других – трафарет, лишаящий тему научного интереса. Духовная жизнь в христианстве имеет некоторые общие законы, нормы и эти нормы требуют разделения методов» [Федотов, 2004, с. 8]. Современные культурологические исследования способствуют осмыслению подвижничества как религиозного феномена, раскрывающего существенные свойства христианства, выявляя интенции, вводящие феномен в реальность. *Интенция подвижничества – направленность к преодолению, постижению границы иного, к подвигу как акту преодоления.* Феномен подвижничества имеет исследовательскую перспективу в связи с православным характером религиозной среды русской культуры.

Главным вопросом методологии становится определение значения религиозного опыта в становлении феномена. В структуре исследования выделяется изучение атрибутов феномена, являющихся его существенными свойствами, о которых говорит описание базового религиозного опыта, характеризующее мировоззренческий аспект феномена. Отдельным аспектом исследо-

вания становятся смыслы, выстраивающие сотериологическую перспективу как в сакральном, так и в профанном, а также религиозная практика подвижничества. Исследование основано на текстовой базе. Мысль о том, что текст создает некий мир, где он встречается с человеком и где происходит понимание, где перед нами открывается новая реальность, неоднократно высказывалась в разных формах и контекстах [Thiselton, 2009]. Сведения об опыте подвижничества, идее спасения души как цели подвига, отраженной в христианском сознании, зафиксированы в вероучительных книгах, от Библии до Предания, в русской агиографии и гимнографии, что становится материалом богословских, философских и научных трудов XIX–XX вв.

Исследование. Результаты

В основе феномена религиозного подвижничества одна из форм религиозного опыта – опыт преодоления девиантных «страстных» состояний, позволяющий осмыслить духовные способности человека в христианской культурной парадигме. В русской культуре феномен религиозного подвига стал восприниматься в связи с принятием христианства и контактами с культурой Византии, основанной на идее личности. На первом же этапе осмысления в период X–XIII вв. произошло разделение понятия подвига как героического поступка, что имеет свои истоки в культуре античности, и христианского по-

двига как духовного смиренного делания. Русская святость – это светлая мерность, отсутствие радикализма, крайних и резких отклонений от христианского идеала [Федотов, 2000]. Аскеза русских святых – пост и труд – становится атрибутом феномена, сосредоточенного на внутренней жизни, когда внешняя аскеза подчинена внутреннему становлению. Опыт духовного трудничества составляет основу феномена подвижничества.

Одна из трактовок подвижничества принадлежит С. С. Хоружему и характеризует феномен как стратегию, выделяя в понимании феномена смыслы кинезиса, движения как бытийного, так и духовного. «Путь подвига – стратегия бытийная, ведущая к личностной трансформации», – пишет С. С. Хоружий, подчеркивая наличие одной из основных проблем в становлении феномена – проблему целеполагания стратегии [Хоружий, 2012, с. 51]. *Как выстраивается подобная стратегия?* Как один из первых, вопрос об определении цели требует рассмотрения сущностного значения подвига.

Подвиг определяется в культуре как поступок, образ жизни в преодолении обстоятельств и себя, самопожертвование, способность к волевому порыву и стойкости. По мнению М. М. Бахтина, «акт действительного интуирования, в котором преодолевается раскол между смыслом и действительностью в единстве переживания», что обес-

печивает слияние культуры и жизни [Бахтин, 2003, с. 7]. И если подвиг является действием, выводящим человека за пределы мирского, обыденного, профанного, повседневного, *цель подвига* – освобождение от внешней обусловленности, то религиозный подвиг отличается способностью воссоединения духовных связей человека в мире, в едином моменте внутреннего переживания соединяющий свидетелей.

Подвиг и подвижничество рассматривается как культурная модель и как феномен, имеющий смысловое содержание.

Культурное знание организовано в «модели» – повествовательные цепочки прототипических событий, играющие решающую роль в мышлении, позволяя людям осваивать, запоминать и использовать знания, необходимые в повседневной жизни [Dorothy, 1987]. Культурные модели представляют взгляды определенной этно- и социокультурной группы и связаны с системой ценностей этих групп.

По своему типу возникающая культурная модель человека-подвижника (человека в подвиге), праведника соответствует культурно-ментальной матрице русской культуры, в тоже время, обладая уникальными характеристиками, глубоко отличается от существующих культурных моделей, но именно эти отличия сегодня делают ее аксиологически значимой и акту-

альной. В русской культуре можно выделить два основных типа подвижничества: социальное и религиозное. Так, моделью стал военный подвиг как героический поступок на поле боя и как ведение войска, объединяющий индивидуальное и всеобщее в едином переживании. Имена русских князей Владимира, Александра Невского, Андрея Боголюбского становятся именами, с которыми в русской культуре связывается сама идея подвига. Подвиг смирения святых князей Бориса и Глеба, нищеты юродивой Ксении выражает ментальные качества русского человека: смиренность, терпение и прощение. Стойкость как трезвение в вере преподобных становится основой как героизма, так и смиренности и отдельным самостоятельным подвигом. Социальное и религиозное соединяются в культурной модели подвижничества в связи с особенностями русского культурного сознания Средних веков как христианского.

И если выделяются различные виды культурных моделей (по степени выраженности эксплицитные (явные) и имплицитные (неявные)), то модель подвижничества содержит признаки свойств двух типов. Подвижничество существует как явная модель, сформированная в русской культуре, и как скрытая, неявная, обеспечивающая мотивацию культурных актов как героического действия на архетипическом, подсознательном уровне. Сегодня

мы говорим, что подвижничество как культурная модель приобрела статус образца, и выявлена воспроизводимость модели в русской культуре. От первых монахов Киево-Печерской лавры до сонма новомучеников XX в. модель, основанная на личной жертве ради веры и Родины, на личном преодолении, одна из основных в русской культуре и русском самосознании.

И если подвиг как стратегия в профанном, повседневном направлен на трансформацию психологического и нравственного устройства человека и во вне его, в мир, и не может ограничивать феномен, то религиозный подвиг направлен на становление личности и понимается как этап становления самого феномена и определяет его пределы.

Одна из проблем становления феномена – взаимодействие с культурной моделью. Подвижничество как культурную модель и как феномен связывает контекстуальный принцип. При этом важно, что модель реальной культуры – не один элемент, а группа элементов, варьирующихся в определенных пределах. Контекст определяет соотношение в культурной модели универсального и специфического, а также определяет границы: исторический, идеологический феномен является ограничением модели и моделирования. Локальные ситуативные контексты являются связующим звеном между глобальными культурными контекстами и дискурсом посред-

ством культурных знаний участников [Teun van Dijk, 2008].

Таким образом, проблема становления феномена – это проблема контекста. Так, исторический и культурный контекст, от византийской традиции, воспринятой Древней Русью в X–XI вв., до периода укрепления русского государства в XV–XVI вв. определяет становление феномена религиозного подвижничества.

Микроанализ конкретного явления может демонстрировать культурную и социологическую картину в целом, в каждом составляющем элементе можно увидеть всю картину целиком – отдельные словесные биографии содержат микропредставления более широкой социокультурной динамики [Zuckertmann, 2006]. И если в исследовании контекста можно выделить актуализацию, понимаемую как закрепление в культурной традиции, и синхронную корреляцию как формирование смыслового пространства феномена и его существенных характеристик, то в контексте русской культуры – это смыслы вероучительных принципов: осознание и стремление к обретению Спасения, молитвенная практика, позволяющая достигнуть личных отношений с Богом.

Одна из проблем становления феномена – рефлексия в акте переживания. Обращаясь к трактовке М. М. Бахтина, мы говорим, что поступок как акт должен рефлексировать себя в бытийном плане и в

плане смыслового содержания как ответственность. Порождение в рефлексии феноменальных смыслов подвига есть результат опыта границы, предельного опыта. Духовность определяется как результат рефлексии в личном опыте, к которому обращена восточно-христианская традиция, интерпретирующая его с православных позиций [Торчинов, 1998]. Христианский подвиг комплементарен религиозному духу христианства и стал адекватной культурной формой для воплощения мистического опыта христианской святости. Свобода и воля становятся предметом христианской рефлексии.

Проблемой становления феномена религиозного подвижничества становится формирование дискурса: определений и их дефиниций, понимаемых как таксономия культуры и как понятийный аппарат религии, структуры и технологии практик. *Религиозный христианский подвиг – это делание, процесс, деятельность, духовная практика.* Начальный этап – это осознание себя и своей тварности, необходимости покаяния. Так в подвиге достигается аутотрансформация, характеризующая его как определенную бытийную стратегию, формируется дискурс исповеди. Феноменологическая перспектива, открывающаяся в исповеди, и сегодня проявляет забытые (стертые) религиозные переживания, внутреннюю память и духовный вектор личности. Исповедь олицетворяет.

Отвержение мира – следующий этап подвига. Подвиг предполагает отрицание профанного мира, выход за пределы профанного – общепринятого уклада, жизненных ценностей, образа мыслей и всего мирского строя сознания. Ступени подвига как установки уникальны, реализуемое остается всеобщим. «Христианский подвиг не для всех, но он – обо всех, не для каждого, но о каждом, за всех и за каждого», – пишет С. С. Хоружий [Хоружий, 2012, с. 51]. Отречение подвижника от мира есть отречение от социальных связей. Но расторгая с людьми связи внешние, подвижник завязывает с ними связь внутреннюю. В культуре это находит выражение в проповедническом дискурсе феномена.

Проповедь подвижника – это проповедь нищеты духа, в проповедническом дискурсе коммуникация и формирование поведенческих паттернов человека в миру, связанных с отказом от греховного и «страстного» поведения. Сущность проповеди выражена в идее кенозиса, кенотичности. М. М. Тареев в исследовании о кенозисе пишет: «...говоря об унижении Самого Сына Божия до принятия Им образа раба, она (идея унижения или богоснисхождения) имеет то, что оживотворяет и делает дорогими для человеческого сердца формулы догмата. Идея кенозиса служит фундаментом основных христианских добродетелей: смиренномудрия, самоограничения и смирения

на благо других. Кенозис дает последнее основание для решения вопросов о страдании праведника, которые с глубокой древности занимают человеческий ум» [Тареев, 1908, с. 35]. Христианское подвижничество обращает человека к собственной ничтожности, ничтожеству, открывая дорогу к бытийному возрастанию. Нищета становится онтологической характеристикой подвига, проявления которого способствуют творческой энергичности человека. Становление феномена подвига и энтелехия как заложенная в человеке энергичная способность к целесобразности целеполагания, ориентации к определенной цели, к которой человек стремится внутренне, связаны в отношениях смысла и условий его порождения.

Религиозный опыт подвижничества находит выражение в аскетических формах, таких как старчество, отшельничество, странничество, столпничество, юродство.

Так, старчество привнесло в традицию подвижничества представление о даре проникновения в глубины человеческой души, различения духов и уникального духовного и нравственного врачевания. В русской культуре существует устойчивая традиция, определяющая достоверность социального, мирского. Это традиция паломничества к старцам, сверки, выверенности своей личной жизни по советам старцев. Пустыни (Зосимова, Оптиная, Глинская), лавры (Киево-

Печерская, Троице-Сергиева) становились центром старческого подвижничества и местами паломничества. Сегодня – это места культурной памяти на карте духовной жизни России. Имена св. Антония и Феодосия (Печерских), св. Сергия (Радонежского), св. Амвросия (Оптинского) стали духовным ориентиром русской культуры.

Странничество также может рассматриваться как смысловое содержание феномена подвижничества и предполагает понимание подвига в контексте динамики движения. Подвиг становится не просто поступком и событием, а состоянием подвижника, свидетелей подвига и самого пространства, характеризующегося событийной насыщенностью и концентрацией, реализующими поступок в наличном. Странничество имеет свои истоки в архетипах пути, дороги, путешествия, скитальчества, выступая в культурном сознании в оппозиции архетипам очага и дома. В христианской культуре странничество обогатилось смыслами паломничества, странствия как пути покаяния и духовных исканий [Щепанская, 2003]. Подвижник держит путь к границе иного, к рубежам тварного существования, понимаемым в контексте идеи о преодолении смерти и греха. Отношение религиозного опыта странничества к социокультурному опыту зафиксировано в культурной архетипической модели пути. Странствования подвижников становятся путем охранения, про-

буждающим память и охраняющим от забвения. Пространство подвига воспринимается динамически как пространство испытания, продолжает формирование архетипа «трудного пути», одного из основных архетипов русской православной культуры.

Еще один тип феномена подвижничества – юродство, культурная форма, содержанием которой становится безумие. Безумное поведение юродивого предстает нарушением культурных норм не только светской жизни, но и церковной. Юродство – форма религиозного поведения, исторически восходящего к византийским образцам. Это телесная аскеза, молитвенные практики и уничтожение как практика сознательного снижения личного социального статуса и стигматизации. Явление юродства претерпело различные этапы развития от существования феномена (праюрродства) в языческой среде до праюрродства ветхозаветного и греческого, бытового безумия, принятого как модель поведения средиземноморских и семитских народов до развития явления в христианской среде.

Феноменологический подход позволяет рассматривать юродство как проповедь, акт социальной интеракции, актуальной презентации «бытия» человека, раскрываемого перед лицом другого человека. Очень часто проповедь юродивого звучит как пророчество, призванное удержать ближних от падения.

В русской истории известны имена юродивых Василия Блаженного, Николы салоса Псковского, Исаакия Печерского, Георгия Шенкурского, Прокопия Устюжского, юродство знает формы постоянного и временного подвига [Иванов, 2005]. Культурная миссия юродства как нравственной проповеди осуществляется и в нашей повседневной жизни. Соотносясь с культурно-ментальной матрицей и культурным кодом русской культуры, проповедь направлена на выявление аксиологического искажения в повседневном поведении и бытовых практиках.

Феномен юродства в культурном дискурсе может пониматься как реверсный, активизирующий реверсные, противоположные смыслы в коммуникации. Такой феномен является одновременно и субъектом, и объектом, направляющим течение преобразующей энергии от языка, речи к конкретной социальной деятельности, от внутреннего к коммуникации [Пилюгина, 2014]. Встреча с юродивым – это всегда событийное пространство, включающее как юродивого, так и участника встречи. Реверсивность в тексте предполагает понимание репрезентации как ментальной реконструкции, которая состоит из трех моментов: начального равновесия, нарушения этого равновесия и, наконец, установления нового равновесия [Schaeffer, 2020]. Реверсивность как культурный механизм объясняет законо-

мерности генезиса маргинального, когда культурное напряжение и аккумуляция сменяются снижением маргинального статуса.

Феномен юродства в религиозном дискурсе рассматривается как феномен иконический, в исследовании которого феноменологический подход соединяется с семиотическим. Иконическое мышление становится способом сакрализации мира в подобию, юродивый подвижник – свидетелем в подобию Христу. Юродивый – человек обратной перспективы, взгляд юродивого есть не взгляд человека мира наличного на абсолют, но, обратно, взгляд, направленный из трансцендентной перспективы на сущее [Ростова, 2010]. Юродивый на поведенческом уровне проявляет актуальное, направляет от девиантности к обретению бытийных смыслов.

Заключение

Таким образом, в результате проведенного культурологического исследования выявлен ряд проблем становления феномена религиозного подвижничества – это проблема значения религиозного и культурного опыта в становлении феномена, определение цели феномена подвижничества как стратегии, проблема влияния смыслового и культурно-исторического контекста на процесс становления, место культурной рефлексии и дискурса в становлении феномена. Можно утверждать, что становление феномена происходит в религиозном

опыте, формирующем пространство феноменальных смыслов и паттерны религиозного поведения.

В современной культуре феномен религиозного подвижничества находит свое выражение в социальном и языковом пространстве: в практиках, поведении, в тексте и образно-мотивной сфере. В религиозной практике происходит генезис подвижничества как культурного явления.

Можно констатировать, что в основе подвижнического созерцания зрение, проникающее за завесу феноменального бытия, познание,

на нем основанное. Сущность человека в подвиге – это проявление специфических свойств души в совокупности интенций. В подвижническом опыте осуществляется раскрытие и исполнение самой природы человека. По слову св. Феофана Затворника: «По первоначальному своему устройству, человек должен бы жить в духе, и им определяемым быть в своей деятельности, – полной, и душевной, и телесной, и всей силой его одухотворять в себе» [Феофан (Затворник), 2008, с. 131].

Библиографический список

1. Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. I: К философии поступка. Москва : Языки славянской культуры, 2003. 722 с.
2. Добротолюбие / Евагрий Монах. Наставления о подвижничестве. Т. I. Москва : Троице-Сергиева лавра, 1992. 606 с.
3. Иванов С. А. Блаженные похабы: Культурная история юродства. Москва : Языки славянских культур, 2005. 229 с.
4. Пилюгина Е. В. Природа феномена «событие» в призме концепции Жюль Делеза // *Studia Humanitatis*. 2014. № 4. URL: <https://st-hum.ru/content/pilyugina-ev-priroda-fenomena-sobytie-v-prizme-koncepcii-zhilya-deleza> (дата обращения: 01.12.2014)
5. Ростова Н. Н. Человек обратной перспективы. Москва : МГИУ, 2010. 140 с.
6. Святые Новгородской Земли, или история святой северной Руси в ликах X–XVIII вв. : В 2 т. Великий Новгород : Тригон, 2006. 735 с.
7. Тареев М. Христианское юродство // Основы христианства. Т.3. Москва : Сергиев Посад, 1908. С. 35.
8. Торчинов Е. А. Религии мира: опыт запредельного психотехника и трансперсональные состояния. Санкт-Петербург : Центр «Петербургское Востоковедение», 1998. 215 с.
9. Туминская О. А. Икона юродивого. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2016. 440 с.
10. Федотов Г. Святые Древней Руси. Санкт-Петербург : Сатисъ, Держава, 2004. 300 с.
11. Федотов Г. П. Собрание сочинений: в 12 томах. Т. 8: Святые Древней Руси. Москва : Мартис, 1996–2000. 266 с.
12. Феофан Затворник Толковый Апостол. I том. Москва : Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2008. 890 с.

13. Флоровский Г. В. Византийские отцы V–VIII вв. Gregg Int. Publ. 1972. 335 с.
14. Хоружий С. С. Исследования по исихастской традиции. I том. Санкт-Петербург : РХГА, 2012. 237 с.
15. Щепанская Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции. – Москва : Индрик, 2003. 527 с.
16. Dorothy Holland, Naomi Quinn. Cultural Models in Language and Thought / Introduction. Cambridge University Press, 1987. 400 p.
17. Schaeffer J.-M. Les troubles du récit: pour une nouvelle approche des processus narratifs. Vincennes : Éditions Thierry Marchaisse, 2020. 197 p.
18. Teun van Dijk. Society and Discourse. Cambridge University Press New York, 2008. 287 p.
19. Thiselton Anthony. Hermeneutics: An Introduction. Grand Rapids, MI : Eerdmans. Cambridge, 2009. 424 p.
20. Zuckermann Gh. 'Etymythological othering' and the power of 'lexical engineering' in Judaism, Islam and Christianity: a socio-philological perspective // Explorations in the Sociology of Language and Religion. Amsterdam, Netherlands: John Benjamins Publishing, 2006. 480 p.

Reference list

1. Bahtin M. M. Sobranie sochinenij. T. I: K filosofii postupka. = Collected Works. Vol. I: Toward the philosophy of the act. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2003. 722 s.
2. Dobrotoljubie = Kindness loving / Evagrij Monah. Nastavlenija o podvizhnichestve. T. I. Moskva : Troice-Sergieva lavra, 1992. 606 s.
3. Ivanov S. A. Blazhennye pohaby: Kul'turnaja istorija jurodstva = Blessed smuts: Cultural history of holy foolishness. Moskva : Jazyki slavjanskih kul'tur, 2005. 229 s.
4. Piljugina E. V. Priroda fenomena «sobytie» v prizme koncepcii Zhilja Deleza = The nature of the phenomenon “event” through Gilles Deleuze's conception // Studia Humanitatis. 2014. № 4. URL: <https://st-hum.ru/content/pilyugina-ev-priroda-fenomena-sobytie-v-prizme-koncepcii-zhilya-deleza> (data obrashhenija: 01.12.2014)
5. Rostova N. N. Chelovek obratnoj perspektivy = A man of reverse perspective. Moskva : MGIU, 2010. 140 s.
6. Svjatye Novgorodskoj Zemli, ili istorija svjatoj severnoj Rusi v likah X–XVIII vv. : V 2 t. = Saints of the Novgorod Land, or the history of the holy northern Russia through the persons of the X-XVIII centuries. In 2 vols. Velikij Novgorod : Trigon, 2006. 735 s.
7. Tareev M. Hristianskoe jurodstvo = Christ's fools // Osnovy hristianstva. T.3. Moskva : Sergiev Posad, 1908. S. 35.
8. Topchinov E. A. Religii mira: opyt zappedel'nogo psihotekhnika i transpersonal'nye sostojanija = World religions: experiences of the exorbitant psychotechniques and transpersonal states. Sankt-Peterburg : Centp «Petepbypgskoe Vostokovedenie», 1998. 215 s.
9. Tuminskaja O. A. Ikona jurodivogo = The icon of the Christ's fool. Sankt-Peterburg : Dmitrij Bulanin, 2016. 440 s.
10. Fedotov G. Svjatye Drevnej Rusi = Saints of Ancient Russia. Sankt-Peterburg : Satis#, Derzhava, 2004. 300 s.

11. Fedotov G. P. Sobrańie sochinenij: v 12 tomah. T. 8: Svjatye Drevnej Rusi = Collected works: in 12 volumes. Vol.8: Saints of Ancient Russia. Moskva : Martis, 1996–2000. 266 s.
12. Feofan Zatvornik Tolkovyj Apostol = Explanatory Apostle I tom. Moskva : Svjato-Troickaja Sergieva lavra, 2008. 890 s.
13. Florovskij G. V. Vizantijskie otcy V–VIII vv. = Byzantine Fathers of the V–VIII centuries. Gregg Int. Publ, 1972. 335 s.
14. Horuzhij S. S. Issledovanija po isihastskoj tradicii = Studies in the Hesychast tradition. I tom. Sankt-Peterburg : RHGA, 2012. 237 s.
15. Shhepanskaja T.B. Kul'tura dorogi v russkoj miforitual'noj tradicii = The culture of the road in the Russian mytho-ritual tradition. Moskva : Indrik, 2003. 527 s.
16. Dorothy Holland, Naomi Quinn. Cultural Models in Language and Thought / Introduction. Cambridge University Press, 1987. 400 p.
17. Schaeffer J.-M. Les troubles du récit: pour une nouvelle approche des processus narratifs. Vincennes: Éditions Thierry Marchaisse, 2020. 197 p.
18. Teun van Dijk. Society and Discourse. Cambridge University Press New York, 2008. 287 p.
19. Thiselton Anthony. Hermeneutics: An Introduction. Grand Rapids, MI: Eerdmans. Cambridge, 2009. 424 p.
20. Zuckermann Gh. 'Etymythological othering' and the power of 'lexical engineering' in Judaism, Islam and Christianity: a socio-philological perspective // Explorations in the Sociology of Language and Religion. Amsterdam, Netherlands: John Benjamins Publishing, 2006. 480 p.

Статья поступила в редакцию 18.03.2025; одобрена после рецензирования 08.04.2025; принята к публикации 06.05.2025.

The article was submitted on 18.03.2025; approved after reviewing 08.04.2025; accepted for publication on 06.05.2025